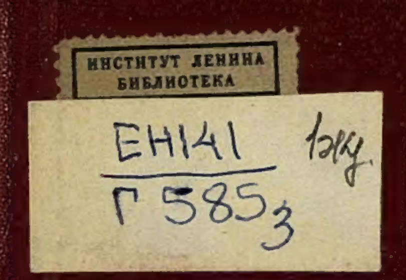
КАМЕНЕВ

ГОД БЕЗ ИЛЬИЧА

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА ПРИ ЦК РКП (б-ков)

Л. Б. КАМЕНЕВ

ГОД БЕЗ ИЛЬИЧА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК РКП (б-ков)

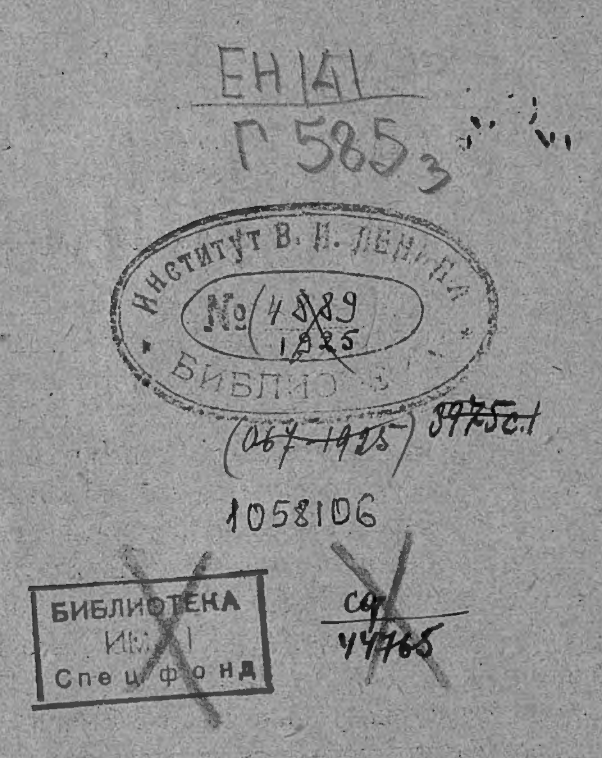
Л. Б. КАМЕНЕВ

ГОД БЕЗ ИЛЬИЧА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

Гиз № 8948/А. П. № 112. Главлит № 30839. Москва. Нап. 10.000 экз.

Госиздат. 1-я Образцовая тип. Москва, Пятницкая, 71.

УЧЕНИЕ ЛЕНИНА.

О КОММУНИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ.

Мы приближаемся к годовщине того дня, когда мировой пролетариат и наша партия потеряли своего вождя. В эти дни мне трудно было бы говорить только о том, как мы жили без Ильича, что мы делали без него. И у меня, и у вас, вероятно, одинаковая потребность вспомнить то, чему учил Владимир Ильич, вспомнить, что он заповедал нам в те дни, когда он уходил от нас, и проверить нашу работу, сверяя ее и с общим учением Владимира Ильича, и с последними его указаниями. Поэтому позвольте мне начать с изложения самых важных пунктов того, что мы зовем ленинизмом.

Владимир Ильич на грани новой всемирно-исторической эпохи возглавил трудящееся человечество в его борьбе за лучшее будущее. Это лучшее будущее человечества представлялось Владимиру Ильичу, как коммунизм. Что это такое, что собственно имел в виду Владимир Ильич, когда звал нас вести мировой пролетариат и все угнетенное человечество к борьбе за коммунизм. Если вы развернете сочинения Владимира Ильича и будете искать в них детального описания того общества, того строя, за который он боролся, — вы этой детальной картины там не найдете. Так же, как и все подлинные революционеры, Владимир Ильич не любил рисовать картин будущего строя; он знал,

что этот будущий строй сложится в результате усилий десятков и сотен миллионов людей, и что предугадать детали этого общества невозможно. В одной из основных своих работ «Государство и революция», Владимир Ильич сказал прямо, что нет еще фактов для того, чтобы точно представить себе детали общественного устройства коммунистического общества.

Но основные черты этого будущего, единственного будущего, которое может освободить человечество от ярма всяческого рабства, были ясны Владимиру Ильичу, и они ясны нам, — и это именно те черты, которые способны вдохновить миллионы на борьбу, и ради которых миллионы действительно борются. Это — общество, в котором должны быть уничтожены классы, это — общество, в котором, благодаря уничтожению классов, будет уничтожено всякое насилие человека над человеком; это, наконец, — общество, которое целиком овладеет всеми богатствами, создаваемыми трудом человека, всеми достижениями техники и науки и поставит все эти материальные богатства, все эти достижения на службу всего человечества. Это значит, что это будет такое общество, в котором впервые будут осуществлены подлинное равенство, действительная свобода и истинное сотрудничество людей. Вот те основные черты коммунистического общества, которые могут и должны сделать из него такую общину, в которой осуществится лозунг великих социалистов: каждый дает по способностям и получает по потребностям! Это — высшая фаза коммунистического общества.

Мы знаем, что мечта об обществе, в котором были бы осуществлены подлинное равенство, действительная свобода, истинное сотрудничество людей, что эта мечта не раз возникала в истории человечества. Чем глубже было угнетение, чем сильнее было неравенство, чем меньше было свободы, чем больше было насилия, — тем выше вздыма-

лись мечты об этом обществе. История показывает нам, как исходившие из глубины подавленных, угнетенных человеческих масс мечтания об этом обществе затвердевали в религиозных системах и затем, благодаря диалектике истории, превращались сами в своем затвердевшем религиозном виде в орудие порабощения. Ильич не был мечтателем. Он хотел этой действительной свободы, этого истинного равенства не для бесплотных духов, а для материальных, живых, подлинных людей. Он был материалист.

На вопрос: возможно ли это общество, не есть ли это неосуществимая мечта, сказка, фантазия, призрак, за которым гонится угнетенное и порабощенное человечество? — на этот вопрос он отвечал как материалист: «Да, возможно, если мы в борьбе за это будущее будем опираться на самые реальные вещи, — на развитие производительных сил, т.-е. на наличные силы природы и уменье человечества ими коллективно овладеть».

Но этого мало. Ильич не только был материалистом в понимании развития современного общества, — он знал сам и нас учил понимать, что только тогда это будущее будет осуществлено, если порабощенные массы познают и овладеют основным законом всей человеческой истории — законом классовой борьбы, если, познав этот закон, овладев им, научившись руководствоваться этим законом, угнетенное сейчас человечество, с пролетариатом во главе, сделает закон классовой борьбы орудием достижения коммунистического общества.

Ильич был не только провозвестником будущего коммунистического общества, не только материалистом в понимании этого общества, не только марксистом, сторонником классовой борьбы в понимании путей к этому обществу, — он был подлинным революционером в понимании тех методов борьбы, которые должен применить пролетариат для того, чтобы осуществить это общество.

МАРКС И ЛЕНИН.

Здесь необходимо отметить то новое, что внес в учение коммунизма Ленин сравнительно с Марксом. Маркс создал учение о неизбежности, о непреложности прихода коммунистического общества, и он же доказал, исходя из анализа капиталистического общества, что коммунистическое общество придет через классовую борьбу пролетариата и его победу, т.-е. через неизбежную пролетарскую революцию. Маркс поэтому является величайшим учителем пролетариата. Но мало того: Маркс в первых массовых выступлениях рабочих сумел выделить, подчеркнуть, выдвинуть то, что делало эти выступления провозвестниками будущей борьбы пролетариата за социалистический и коммунистический строй. Он изучил и вывел все необходимые уроки из анализа первых проблесков дела социалистической борьбы пролетариата, из борьбы пролетариата в революциях 48-го года и революции 71-го года. Но дальше в деле изучения самого *механизма пролетарской революции* Маркс пойти не мог по той простой причине, что эра пролетарских революций, эпоха, центром характеристики которой являются пролетарские революции, в его дни еще не наступила.

Ленин пришел и начал свою работу как-раз в тот момент, когда человечество, весь мир переходил из периода мирного, на внешний взгляд, органического развития капитализма к новой всемирно-исторической эпохе, к эре пролетарских революций. Именно поэтому Ильичу выпало на долю пойти дальше Маркса: не только подтвердить учение Маркса о неизбежности пролетарской революции, не только двинуть вперед изучение первых шагов пролетарской революции, но и *создать учение о механике пролетарской революции в действии.*

Ленин руководил первой в мире пролетарской революцией, он изучал на живых исторических фактах, на движениях масс (например, массовые политические стачки и их сочетание со стачками экономическими), на анализе тех новых форм организации, которые созданы подлинным массовым движением (например, Советы Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов), такие явления *пролетарской революции в действии*, которые неведомы были Марксу, не могли быть Марксу ведомы.

Для этого должны были сойтись специальные условия. Первое и основное условие заключалось в том, что человечество вместе с Лениным вступило в новую империалистическую эпоху, т.-е. в эпоху назревания и перезревания капитализма, а вместе с тем и в эпоху острейших столкновений противоречивых сил, развившихся внутри капитализма, т.-е. буржуазии и пролетариата. Это первое, основное условие, которое позволило Ленину двинуться дальше Маркса и прибавить к учению Маркса о неизбежности пролетарской революции учение о самом ходе и внутренних законах пролетарской революции.

Второе условие — это то, что Ленин, как политик, вырос среди пролетариата России, который, благодаря специальным условиям, благодаря задержке буржуазной революции и страшному застарелому, задержавшемуся гнету царизма и феодализма, отличался особенной революционностью. Пролетариат России не мог быть и не был еще захвачен тем мещанским благополучием, которое в известные моменты развития капитализма давало возможность буржуазии обманывать или запутывать верхушки пролетариата в те или иные иллюзии. А вместе с тем Ленин мог наблюдать и должен был изучать подлинное массовое революционное движение крестьянства, которое именно в России «дополнило» революционное движение пролетариата. Маркс только гениально наметил этот тип рево-

люций, где революция пролетариата «дополняется» крестьянским восстанием. Ленин жил в период именно подобной революции, и это не могло не дать ему материала для сильнейшего обогащения учения Маркса о революции.

Революционная ситуация и революционное настроение в России на рубеже XIX и XX столетий, подлинный революционный инстинкт пролетарских масс, сочетание рабочей и крестьянской революций — вот второе условие, которое создало возможность для Ильича двинуться вперед и не только применить марксизм к новым условиям, но дополнить марксизм теми новыми чертами, которые превращают марксизм из учения о неизбежности пролетарской революции в подлинное руководство пролетарской боевой организации в самом ходе пролетарской революции. А это и делает из марксизма ленинизм.

Если вы с этой точки зрения посмотрите на работы Ильича о самом Марксе, то вы увидите, как внимательно изучал Ленин у Маркса именно те черты, — не очень многочисленные, нужно сказать, по условиям, о которых я выше говорил, — те черты, в которых Маркс сам приближался к вопросам механики пролетарской революции. Никто больше, чем Ильич, из всех марксистов не изучал так подробно, так внимательно и, так-сказать, актуально, — не с целью академических исследований, а с целью непосредственного применения к жизни, — тех сторон работ Маркса, которые связаны с революционной непосредственной массовой борьбой пролетариата в революциях 1848 года. Вопросы о восстании, которые Маркс изучал на основе первых европейских революций 1789 и 1848 гг., и которые среди европейских социал-демократов считались чем-то более или менее случайным в общей системе марксизма, — эти черточки Ильич особенно внимательно выбирал у Маркса, понимая, что именно в настоящую эпоху пролетарских революций эти гениальные зародыши мысли

Маркса о механизме пролетарской революции будут особенно ценны. Поэтому же у Маркса Ленин изучал с особенным вниманием то, что Маркс сказал о Парижской Коммуне. Больше опять-таки, чем какой-либо из учеников Маркса, Ленин подверг особому изучению эту гениальную попытку Маркса проанализировать первый опыт пролетарской коммуны, пролетарского государства, — опыт, продолжавшийся только 3 месяца, кончившийся неудачей, но который предвосхищал весь дальнейший путь пролетариата в борьбе за власть. Наконец, с особенным вниманием, которое опять-таки напрасно было бы искать у какого-либо другого ученика Маркса и можно найти только у Ленина, изучал Ленин у Маркса все малейшие намеки, мысли, указания на диктатуру пролетариата и на характер той государственной власти, которая должна быть создана победившим пролетариатом.

Особое и давнее внимание Ленина к этим сторонам учения марксизма сразу выделяет его из всех тех учеников Маркса, которые больше всего занимались опошлением марксизма, больше всего занимались притуплением именно революционных боевых сторон марксизма, как учения о пролетарской революции. Это внимание Владимира Ильича к этим сторонам марксизма — это первый из показателей того, что центр тяжести своего учения Владимир Ильич видел — и видел справедливо — в учении о механике пролетарской революции в действии.

УЧЕНИЕ О ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Другой — и важнейший — показатель — это то, что, первый после Маркса и гораздо более широко и действенно, чем Маркс, Ильич в своем учении поставил проблему власти и государства. Эта проблема государственной власти была совершенно снята с порядка дня европейских мар-

ксистов и европейской социал-демократии в последние десятилетия XIX века. После франко-прусской войны и неудачи Коммуны, после 71-го года, мы видели, как я уже выразился, эпоху, которую можно было бы характеризовать как эпоху мирного, органического развития. (Слова «мирного» и «органического» надо, конечно, взять в кавычки, потому что «мирное» развитие капитализма зиждилось само по себе на крови миллионов рабочих, на насилии над миллионами колониальных рабов, но по внешности оно носило именно характер мирного, органического развития, не прерываемого каким-нибудь вулканическим, революционным извержением снизу). В этот период марксисты, европейская социал-демократия сняли совершенно с порядка дня вопрос о государственной власти. Речь шла о том, чтобы улучшить положение рабочего класса в данных условиях, на почве данных капиталистических отношений. Ни в пропаганде, ни в агитации, ни в организации вопросы не ставились таким образом, что дело идет о подготовке к переходу власти из рук одного класса в руки другого класса.

Первое событие, которое прервало эту полосу и которое выдвинуло вперед вопрос о власти, — это была революция 1905 года, а первый революционный мыслитель, который оформил этот вопрос, который поставил его вновь в упор и перед идеологами рабочего класса, и перед самой рабочей массой, — это был Владимир Ильич, и эта острая постановка основного вопроса всякой революции, — вопроса о власти, — и есть одна из самых характерных, из самых важных черт учения Владимира Ильича. Перед Владимиром Ильичем стояла новая задача — определить, что такое власть в руках нового класса. Будет ли государственная власть в руках пролетариата тем же самым, что государственная власть в руках буржуазии? Каковы условия перехода власти от буржуазии к пролетариату, — те же

самые это условия, которые были налицо при переходе власти от помещиков к буржуазии, или переход власти от буржуазии к пролетариату представляет нечто принципиально новое, что изменяет самый облик власти и, следовательно, самое содержание государства? Наконец, какова форма государственной власти в руках пролетариата? Это — все вопросы пролетарской революции в действии, которые не были поставлены, не могли быть практически поставлены учителями Ленина, Марксом и Энгельсом, из которых он исходил, на которых он целиком опирался, учение которых он целиком принял, но которое он двинул вперед, сообразно новым условиям эпохи пролетарской революции.

Надо понять, что все эти вопросы, намеченные мною, не могли ставиться Ильичом в каких-либо национально ограниченных рамках. Горький как-то сказал, что учение Владимира Ильича и самое явление Владимира Ильича есть явление планетарное, т.-е. такое, которое охватывает всю нашу планету. Слово это, может-быть, звучит слишком торжественно, — Ильич не любил торжественности ни в чем, — но по существу оно правильно, ибо те вопросы, которые поставил Владимир Ильич, как и то движение, которое он возглавлял, носят характер полной международности, охватывают человечество все целиком. Они, эти вопросы и ответы, ставят и решают не национальную проблему пролетариата России, Франции, Германии или Англии, или Америки, — они ставят вопросы в общем, интернациональном масштабе.

То, чему учил Владимир Ильич, отнюдь не сводится к учению о том, как в той или другой стране может победить социализм. Правда, Владимир Ильич часто говорил о том, что коммунисты каждой данной страны обязаны *начинать* пролетарскую революцию именно со своей страны. Он часто указывал на то, что всякая попытка отговориться

от того, чтобы начать революцию в той или другой стране, отговориться тем, что данная страна отсталая, страна с недостаточно развитым капитализмом, — что это есть лицемерная попытка оттянуть пролетарскую революцию или снять с себя ответственность, сваливши на пролетариат другой страны честь почина. Особенно во время империалистской войны он беспощадно бичевал подобные попытки отговориться отсталостью данной страны, он настаивал на том, что социалисты, коммунисты, революционный пролетариат каждой данной страны должны стремиться начать революцию сами у себя, не дожидаясь, покуда начнет пролетариат другой страны. Но начало и победа пролетарской революции в данной стране была для Ленина способом вызвать дальнейшее движение мировой революции. Особенно это относится к победе пролетарской революции в отсталой стране. Мы должны начать,— говорил Ленин, — но продолжить и закончить можем только мы все вместе, или, по крайней мере, несколько передовых промышленных стран совместно. Мы должны начать, но окончательно победить социализм может только на пространстве ряда капиталистических и промышленных стран. Поэтому верно, когда говорят о том, что учение Ильича не есть учение, не есть теория о победе социализма в отдельной стране, а есть теория о том, что, где бы ни началась пролетарская революция, она только тогда придет к окончательной победе, когда сумеет в свой водоворот захватить целый ряд стран.

Таким образом, не только революционная постановка всех вопросов марксизма, но и интернационализация пролетарского движения, интернационализация вопросов и подготовки пролетарской революции являются основными чертами Владимира Ильича и делают его вождем международного пролетариата. Ленин стал интернациональным вождем не только потому, что международный пролета-

риат увидел в движении, возглавленном Лениным, у нас в России первое осуществление своей мечты, цели своей борьбы, а потому, что по самому характеру учения Ленина оно интернационально.

МЕХАНИКА ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Позвольте мне теперь уже не своими словами, а словами Владимира Ильича проследить в самых кратких чертах, как Владимир Ильич переходил от одного вопроса к другому в проблеме механики пролетарской революции. Когда я просматривал сочинения Владимира Ильича для сегодняшнего доклада, я имел в виду рассказать учение Владимира Ильича в тех частях, к которым я сейчас перехожу, своими словами. Но и на этот раз, как и раньше, случилось то, что случается, вероятно, с каждым, кто читал Владимира Ильича: почти невозможно передать своими словами те четкие, точные и ясные формулировки, которые дал своим мыслям Владимир Ильич. Всякая попытка изложить эти формулировки своими словами является не облегчением, а затруднением для читателя или слушателя. Поэтому я решил посвятить часть своего доклада прочтению некоторых цитат из Владимира Ильича. Я только выбрал и расположил их в том порядке, который, как мне кажется, правильно и точно излагает, как Владимир Ильич переходил с одной ступеньки на все более высокую и высокую в разрешении вопросов пролетарской революции.

Первое. Как рисуется Владимиру Ильичу его враг? И почему перед лицом этого врага он не остался пропагандистом, агитатором, теоретиком? Откуда та революционная страсть, которая сделала его полководцем сражающейся пролетарской армии? Мне кажется, ответ на это в тех словах Вл. Ильича, которые он написал в 1919 году в ответ на вопросы американского журналиста. Вот что

пишет Владимир Ильич: «По сравнению с феодализмом капитализм был всемирно-историческим шагом вперед по пути «свободы», «равенства», «демократии», «цивилизации». Но, тем не менее, капитализм был и остается системой наемного рабства, порабощения миллионов трудящихся, рабочих и крестьян, ничтожному меньшинству современных рабовладельцев, помещиков и капиталистов. Буржуазная демократия изменила форму этого экономического рабства по сравнению с феодализмом, создала особенно блестящее прикрытие для него, но не изменила и не могла изменить его сущности. Капитализм и буржуазная демократия есть наемное рабство.

Гигантский прогресс техники вообще, путей сообщения особенно, колоссальный рост капитала и банков сделали то, что капитализм дозрел и перезрел. Он пережил себя, он стал реакционнейшей задержкой человеческого развития. Он свелся к всевластию горстки миллиардеров и миллионеров, толкающих народы на бойню...

Во время войны 1914 — 1918 гг. десятки миллионов людей убиты и искалечены именно из-за этого, только из-за этого. Сознание этой истины с неудержимой силой и быстротой распространяется среди массы трудящихся во всех странах...

Крах капитализма неизбежен. Революционное сознание масс растет везде. Об этом говорят тысячи признаков.

Капиталисты, буржуазия могут в «лучшем» для них случае оттянуть победу социализма в той или другой отдельной стране ценой истребления еще сотен тысяч рабочих и крестьян. Но спасти капитализм они не могут. Не могут спасти частную собственность на землю, фабрики и прочие средства производства, ибо эта частная собственность есть источник эксплоатации немногими многих, источник нищеты масс, источник грабительских войн между народами, обогащающих только капиталистов».

Казалось бы, слова обычные. Мало ли сказано сильных слов против капитализма, против войны? Я привел эту выдержку потому, что, мне кажется, здесь с особенной наглядностью сконцентрирована вся та ненависть к капитализму, *как к тормозу дальнейшего развития всего человечества*, которая, несомненно, пронизывала Владимира Ильича, которая диктовала ему выступления, которая определила его поведение. Именно эта полная уверенность, это приобретенное на основе марксизма твердое знание, что капитализм, который был некогда прогрессивным явлением, пережил и изжил себя, стал реакционнейшей задержкой человеческого развития, тормозом для всякого развития человеческого рода, — это было исходной точкой той железной цепи умозаключений, которая заканчивалась лозунгом организации восстания большинства человечества против губящего человечество тормоза его дальнейшего развития. Но мало знать, что капитализм, который был некогда прогрессивным, сейчас стал тормозом общего развития. А выход где? Кто выведет из этого тупика, на котором запнулось человечество? Этот ответ Владимир Ильич тоже дал. Мы все знает этот ответ. Но мне хотелось бы, чтобы вы вновь услышали слова Ильича, его собственные слова. Вот его ответ на вопрос, кто выведет человечество из тупика, куда привел его капитализм:

«Маркс видел прогрессивную, революционную работу капитализма в том, что он, обобществляя труд, в то же самое время механизмом самого процесса «обучает, объединяет и организует рабочий класс», объединяет для «экспроприации экспроприаторов», для захвата политической власти и отнятия средств производства из рук «немногих узурпаторов» для передачи их в руки всего общества».

В этих словах самое характерное — это то, когда они написаны, когда была провозглашена эта программа, которая есть программа и нащей Октябрьской революции, и

всех будущих пролетарских революций, ибо все будущее пролетариата целиком и полностью заключено в этих словах. Эти слова написаны в 1894 году — 30 лет назад, за 23 года до Октябрьской революции, в царском подполье, когда самих марксистов можно было пересчитать по пальцам, а рабочий класс не имел еще даже зачатков сколько-нибудь массовидной организации, когда самой партии еще не существовало.

Мы знаем теперь со слов Ильича врага, который стоит поперек развития всего человечества, и бойца, который сломит этого врага; но как, каким путем пролетариат сломит своего врага? Владимир Ильич отвечал совершенно беспощадными словами. Он говорил: путь освобождения — война.

«Революция есть война. Это — единственная законная, правомерная, справедливая, действительно великая война из всех войн, какие знает история. Эта война ведется не в корыстных целях кучки правителей и эксплоататоров, как все и всякие войны, а в интересах массы народа против тирана, в интересах миллионов и десятков миллионов эксплоатируемых и трудящихся против произвола и насилия»...

Это написал Ильич в 1905 году, а в 1917 году повторил:

«Революция настоящая, глубокая, «народная», по выражению Маркса, революция есть невероятно сложный и мучительный процесс умирания старого и нарождения нового общественного строя, уклада жизни десятков миллионов людей. Революция есть самая острая, бешеная, отчаянная классовая война и гражданская война».

В чем величие и сила «настоящих, глубоких, народных» революций? И сила, и величие их в том, что в революции *действуют*, *решают*, воспитываются к активной исторической деятельности массы, обычно, в исторические будни, стоящие в тени.

«В истории революции, — писал Ленин уже в 1905 г.,— всплывают наружу десятилетиями и веками зреющие противоречия. Жизнь становится необыкновенно богата. На политическую сцену активным борцом выступает масса, всегда стоящая в тени и часто поэтому игнорируемая или даже презираемая поверхностными наблюдателями. Эта масса учится на практике, у всех перед глазами, делая пробные шаги, ощупывая путь, намечая задачи, проверяя себя и теории всех своих идеологов. Эта масса делает героические усилия подняться на высоту навязанных ей историей гигантских мировых задач, и, как бы велики ни были отдельные поражения, как бы ни ошеломляли нас потоки крови и тысячи жертв, ничто и никогда не сравнится по своему значению с этим непосредственным воспитанием масс и классов в ходе самой революционной борьбы».

И Ильич тут же дает чрезвычайно важное указание, которое в очень значительной степени определяет тактику революционной партии в ходе революции, и которого сам Ильич никогда не забывал. «Революционная война, — писал Ильич, — отличается от других войн тем, что она черпает свой главный резерв из лагеря вчерашних союзников своего врага». С выводами из этого замечательного положения мы еще встретимся, когда подойдем к вопросу о резервах пролетарской революции, к вопросу об отношении пролетариата к крестьянству.

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА.

Итак, мы знаем со слов Ильича врага, знаем, кто главный боец, знаем, что спор сможет быть решен войной, которая называется революцией. Знаем, что эта война будет тем плодотворнее, победоноснее, но и острее, чем большие массы втянуты в нее.

Каковы же условия победы в этой войне? Если в этой войне пролетариат победит, что будет знамением его победы, во что выльется его победа? У Ильича ясный ответ на этот вопрос. Победа в этой войне есть диктатура. Вот ответ Ильича. Почему,— спрашивает Ильич,— нельзя достигнуть той цели, к которой мы стремимся, без диктатуры одного класса, почему нельзя прямо перейти к чистой демократии, т.-е. к действительному равенству, к действительной свободе? «Мы отвечаем, — говорит Ильич,— потому, что в капиталистическом обществе решающее значение может иметь либо буржуазия, либо пролетариат. Потому, что из общества, в котором один класс угнетает другой, нельзя выйти иначе, как диктатурой угнетенного класса. Потому, что победить буржуазию, свергнуть ее в состоянии только пролетариат, ибо это единственный класс, который объединен и вышколен капитализмом, и который в состоянии увлечь за собой колеблющиеся массы трудящихся, живущих по-мелкобуржуазному. Потому, что только сладенькие мещане и филистеры могут мечтать, обманывая этими мечтами и себя, и рабочих, о свержении ига капитала без долгого и трудного подавления сопротивления эксплоататоров».

Указывая на то, что именно диктатура и только диктатура может явиться формой победы в гражданской войне между пролетариатом и буржуазией, Ильич отдавал себе совершенно ясный, совершенно точный отчет в беспощадно-жестоком смысле этого ответа. Я процитирую ниже его слова о «тяжелом, жестоком, мучительном» смысле этого ответа. Поэтому Владимир Ильич неоднократно возвращался еще раз и еще раз к обманным сладеньким словам о возможности обойтись без диктатуры.

Вы понимаете хорошо, что сейчас наше отличие коммунистов от всяких других политических партий, групп и фракций, стремящихся оказать воздействие на рабочий класс, заключается именно в вопросе о диктатуре. Вы

знаете, что опасения перед жестокими формами диктатуры заставляют еще часть отсталых слоев пролетариата и отсталые массы крестьянства отдавать свое доверие тем обманщикам, тем лицемерам, которые обещают им дать равенство и свободу без диктатуры. Поэтому-то Владимир Ильич внимательнейшим образом исследовал этот вопрос: можно ли действительно перейти к новому строю без диктатуры? И один из ответов его, — ответ чрезвычайно важный, потому что он характеризует все представление Владимира Ильича о будущем государстве, о государстве без гнета капитала, — я приведу сейчас: «От капиталистической демократии, — неизбежно узкой, тайком отталкивающей бедноту, а потому насквозь лицемерной и лживой, — развитие вперед не идет просто, прямо и гладко ко все большей и большей демократии, как представляют дело либеральные профессора и мелкобуржуазные оппортунисты», очень часто называющие себя социалистами, — добавляю я. «Нет, — продолжает Ильич, — развитие вперед, т.-е. к коммунизму идет через диктатуру пролетариата и иначе итти не может, ибо сломить сопротивление эксплоататоров больше некому и иным путем нельзя. А диктатура пролетариата, т.-е. организация авангарда угнетенных в господствующий класс для подавления угнетателей, не может дать просто только расширения демократии. *Вместе* с громадным расширением демократизма, *впервые* становящегося демократизмом для бедных, демократизмом для народа, а не демократизмом для богатеньких, диктатура пролетариата дает ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплоататорам, капиталистам. Энгельс, — продолжает Ленин, — прекрасно выразил это, сказав, что «пролетариат нуждается в государстве не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда можно будет говорить о свободе, — не будет государства».

Эти слова дают нам ключ не только к пониманию того, как Ленин представлял себе диктатуру и то, почему диктатура является неизбежным этапом между капитализмом и коммунизмом, но дают точную картину его представления о государстве. Мы все живем восемь лет в государстве уже своем, понемножку привыкли к этому, и поэтому в такие дни, когда мы хотим охватить общим взглядом все учение Ленина, полезно вспомнить, чему нас учил Ленин о государстве. Да, и наше пролетарское государство есть только преходящее, оно не есть воплощение свободы, оно, как говорит Ленин, нужно пролетариату прежде всего в интересах подавления своих противников. А когда эти противники будут подавлены, когда, пройдя через школу собственного государства, массы сами научатся управлять государством, когда пролетарские массы, привлекая крестьян, организуют производство на началах действительно коммунистических, тогда, — говорит Ленин, подчеркивая учение Маркса, — тогда государство будет не нужно, оно отомрет, и только тогда можно будет говорить о свободе, а покуда надо говорить не о свободе, а о борьбе.

Да, свобода, равенство, демократия впервые в пролетарском государстве становятся, как говорит здесь Ленин, демократией, т.-е. равенством, свободой, участием в государственных делах не для богатых, а для бедных, не для кучки эксплоататоров, а для всей массы угнетенных. Но это еще не то, к чему мы идем, это еще не коммунизм, это — боевая дубинка в руках пролетариата для завоевания коммунизма против всех остатков старого буржуазного режима. Вот зачем нужна диктатура, вот зачем нужно государство пролетариату, победившему буржуазию.

Тут встает следующий вопрос: а почему же эта диктатура должна быть диктатурой *пролетариата?* Почему она не может быть диктатурой вообще угнетенных, вообще трудящихся?

Вы видите цепь мыслей, которую разворачивает перед нами Владимир Ильич. Капитализм, ставший тормозом дальнейшего развития всего человечества, должен быть превзойден. Гражданская война — это единственный метод решения этого вопроса между пролетариатом и буржуазией. Диктатура пролетариата — это единственная форма действительной победы: не соглашение, не взаимные уступки, не мирный договор между буржуазией и пролетариатом, а диктатура. Но почему же диктатура пролетариата, а не всех угнетенных?

Владимир Ильич отвечает на этот вопрос: «Только тот из угнетенных классов способен своей диктатурой уничтожить классы, который обучен, объединен, воспитан, закален десятилетиями стачечной и политической борьбы с капиталом, — только тот класс, который усвоил себе всю городскую, промышленную крупно-капиталистическую культуру, имеет решимость и способность отстоять ее, сохранить и развить дальше все ее завоевания, сделать их доступными всему народу, всем трудящимся, — только тот класс, который сумеет вынести все тяжести, испытания, невзгоды, великие жертвы, неизбежно возлагаемые историей на того, кто рвет с прошлым и смело пробивает себе дорогу к новому будущему, — только тот класс, в котором лучшие люди полны ненависти и презрения ко всему мещанскому и филистерскому, к этим качествам, которые так процветают в мелкой буржуазии, у мелких служащих, у интеллигенции, — только тот класс, который «проделал закаляющую школу труда» и умеет внушать уважение к своей трудоспособности всякому трудящемуся, всякому честному человеку»...

В другом месте Ильич пишет: «Свержение господства буржуазии возможно только со стороны пролетариата, как особого класса, экономические условия существования которого подготовляют его к такому свержению, дают

ему возможность и силу совершить его. В то время, как буржуазия раздробляет, распыляет крестьян и все мелкобуржуазные слои, она сплачивает, объединяет, организует пролетариат. Только пролетариат, — в силу экономической роли его в крупном производстве, — способен быть вождем всех трудящихся и эксплоатируемых масс, которые буржуазия эксплоатирует, гнетет, давит часто не меньше, а сильнее, чем пролетариев, но которые неспособны к *самостоятельной* борьбе за свое освобождение».

Вы видите, что этот ответ Ильича возлагает именно на пролетариат особую историческую миссию, передает именно в его руки диктатуру, т.-е. всю железную власть в деле реорганизации всего человечества. Вы видите, что Владимир Ильич исходит при этом из точного, научного, чисто-материалистического анализа роли пролетариата в производстве. Не потому пролетариату принадлежит диктатура, что он больше угнетен (может-быть, некоторые слои крестьянства угнетены больше); не потому, что пролетариат обладает какими-то особыми качествами характера или ума, — нет, а потому, что он своею ролью в производстве, своею выучкой, школой труда, объединением в капиталистическом рабстве больше всех остальных классов организован и подготовлен для того, чтобы до конца провести и победоносно закончить решительную борьбу с капиталом.

Но что такое диктатура пролетариата? Позвольте опять-таки говорить словами Ильича. «Научное понятие диктатуры, — учил Ильич, — обозначает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть». «Диктатура есть железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении».

Но у нас часто теперь, когда мы восемь лет живем в режиме пролетарской диктатуры, эту диктатуру тоже

понимают статически, не по-марксистски, не по-ленински, не диалектически, не в ее развитии. Поэтому полезно вспомнить, что Ильич говорил еще в 1921 г.: «Диктатура пролетариата обозначает не прекращение классовой борьбы, а продолжение ее в иной форме и новыми оружиями. Диктатура есть ожесточенная война»,... но война эта еще не кончена в тот момент, когда пролетариат берет власть в свои руки.

Итак, диктатура есть прежде всего власть. Диктатура не есть союз одного класса с другим. Диктатура есть власть пролетариата, это есть власть, которая взята им не для того, чтобы прекратить борьбу, а для того, чтобы продолжать свою классовую борьбу, но в иной форме и новым оружием, — оружием государственной власти, т.-е. оружием, которого не было у пролетариата, когда власть принадлежала другому классу. Диктатура пролетариата есть продолжение борьбы. Но мало того: Ильич прямо говорит:

«Мы идем в бой: это есть содержание диктатуры пролетариата. Прошли те времена наивного, утопического, фантастического, механического, идеалистического, интеллигентского социализма, когда дело представлялось так, что убедит большинство людей, нарисует красивую картинку социалистического общества, и станет большинство на точку зрения социализма. Миновали те времена, когда этими детскими побасенками забавляли себя и других. Марксизм, который признавал необходимость классовой борьбы, говорил: к социализму человечество не придет иначе, как через диктатуру пролетариата. «Диктатура» — слово тяжелое, жесткое, кровавое, мучительное, и этакие слова на ветер не бросают. Если с этаким лозунгом выступили социалисты, то это потому, что они знают, что иначе, как в отчаянной, беспощадной борьбе, класс эксплоататоров не сдастся, и что он будет всякими хорошими словами прикрывать свое господство». Итак, диктатура есть власть, взятая для того,

чтобы продолжать борьбу. Диктатура—это означает: «мы идем в бой».

Власть политическая, власть, основанная на насилии, направленная против всех врагов, нужна для того, чтобы продолжать борьбу, но как ее продолжать? Вот коренной вопрос пролетарской революции, которая хочет победить. Мало *взять* власть,—надо ее удержать. Плох тот полководец, который привел бы пролетариат к победе, но не указал бы ему условий удержания и расширения этой победы. Ильич говорит: Мало взять диктатуру и сказать: «мы идем в бой». Надо этот бой выиграть, как мы выиграли диктатуру пролетариата. И на этот последний отдел учения Ленина я хотел бы обратить ваше усиленное внимание.

ПРОЛЕТАРИАТ И КРЕСТЬЯНСТВО.

Вопрос о том, как удержать диктатуру пролетариата есть для Ильича вопрос о союзе пролетариата и крестьянства. И поэтому учение Ленина, дойдя до учения о диктатуре пролетариата, дальше немедленно переходит к учению о том, каким образом, при помощи союза пролетариата с другими угнетенными классами (значит, с крестьянством) удержать эту диктатуру. Этот вопрос уже есть вопрос нашей практики. Это—вопрос, который непосредственно подводит нас к заветам Ильича, данным на нынешний исторический отрезок времени. Поэтому я буду здесь немного подробнее.

Ильич писал еще в 1907 г., за десять лет до нашей революции:

«Привлечь к себе силой самостоятельности, своей выдержанности, своей твердости массу угнетенного, забитого крестьянства, массы колеблющейся, шаткой, неустойчивой мелкобуржуазной демократии, оторвать ее от предательской либеральной буржуазии, контролировать таким образом эту буржуазию и во главе народного массового

движения раздавить проклятое самодержавие,—такова задача социалистического пролетариата в буржуазной революции».

Вы видите, что уже за десять лет до социалистической революции 1917 года задача привлечь при помощи своей выдержки и своей революционности колеблющиеся между пролетариатом и буржуазией массы крестьянства является основной задачей Ильича. Дальше он говорит это еще яснее, еще точнее:

«Исход нашей революции действительно зависит больше всего от устойчивости в борьбе многомиллионной массы крестьянства. Буржуазия крупная у нас боится больше революции, чем реакции. Пролетариат один победить не в силах. Городская беднота не представляет ни самостоятельных интересов, ни самостоятельного фактора силы по сравнению с пролетариатом и крестьянством. Решающая роль за деревней, не в смысле руководства борьбой (об этом не может быть и речи), а в смысле обеспечения победы...

Действительная и коренная опасность для русской революции — это неразвитость массы крестьянства, нестойкость его в борьбе, непонимание им всей пустоты и всего предательства буржуазного либерализма».

Вот предпосылки, сделанные за 10 лет до того, как революция, споткнувшаяся в первый раз в 1905 г. именно об эту неразвитость крестьянства и погибшая от этого, в 1917 г., найдя дорогу к крестьянству, найдя смычку с крестьянством, победила и дала возможность нам удержать в руках эту победу в продолжение вот уже 8-ми лет.

Посмотрим теперь, как Ильич переходит от этого общего положения к вопросу о пролетариате и крестьянстве в социалистической революции.

Вот важнейшие строки Ильича по этому вопросу: «Победа социализма (как первой ступени коммунизма) над капитализмом требует осуществления пролетариатом, как един-

ственным действительно революционным классом трех следующих задач. Первая—свергнуть эксплоататоров и в первую голову буржуазию... Вторая—увлечь и повести за революционным авангардом пролетариата, его коммунистической партией, не только весь пролетариат или подавляющее, огромное большинство его, но и всю массу трудящихся и эксплоатируемых капиталом; просветить, организовать, воспитать, дисциплинировать их в самом ходе беззаветно смелой и беспощадно твердой борьбы против эксплоататоров; вырвать это подавляющее большинство населения во всех капиталистических странах из зависимости от буржуазии, внушить ему на практическом опыте доверие к руководящей роли пролетариата и его революционного авангарда. Третья—нейтрализовать или обезвредить неизбежные колебания между буржуазией и пролетариатом, между буржуазной демократией и Советской властью со стороны довольно еще многочисленного почти во всех передовых странах, хотя и составляющего меньшинство населения, класса мелких хозяев в земледелии, промышленности, торговле и соответствующего этому классу слоя интеллигенции, служащих и т. п.»...

Вы видите, как Ильич, подобно полководцу, который на поле сражения передвигает и соображает перестановку различных армейских корпусов, как Ильич подробно ставит перед собой вопрос об условиях победоносной диктатуры. Диктатура есть самое сильное оружие в руках пролетариата, но на что оно должно быть направлено? Во-первых, диктатура должна быть направлена на то, чтобы уничтожить сопротивление эксплоататоров, а во-вторых, диктатура, т.-е. власть, государственная организация, находящаяся в руках пролетариата, должна быть направлена на то, чтобы привлечь к себе, к пролетариату, к коммунистической даже партии, как пишет здесь Ильич, громадное большинство крестьянства, не находящегося еще в условиях пролетар-

ского положения. И, наконец, третья задача—нейтрализовать те более зажиточные элементы крестьянства, которые колеблются между буржуазией и пролетариатом. На этом распределении ролей, на том, чтобы пролетариат свою диктатуру, свою государственную организацию использовал именно в этом направлении, Ильич не уставал настаивать.

Вот следующая цитата, чрезвычайно важная и чрезвычайно характерная именно для этого основного вопроса: «Диктатура пролетариата есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.) или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма. Это—особого вида союз, складывающийся в особой обстановке, именно в обстановке бешеной гражданской войны, это союз твердых сторонников социализма с колеблющимися его союзниками, иногда с «нейтральными» (тогда из соглашения о борьбе союз становится соглашением о нейтралитете), союз между неодинаковыми экономически, политически, социально, духовно классами».

Не подумайте, что это писано после нэп'а, не думайте, что это стало ясно Ильичу лишь после Кронштадта. Нет, это написано в 1919 году, написано не как итог сознания того, что податься стало некуда. Союз с одними слоями крестьянства, нейтрализация других его слоев выдвинуты Ильичем совсем не в результате каких-либо неудач диктатуры пролетариата, не как рецепт против слабости и т. п. Нет. Ильич не ждал Кронштадта для того, чтобы в свое учение о механике разворачивания диктатуры пролетариата ввести это учение о крестьянстве. Владимир Ильич пришел к этим выводам, изучая общую механику пролетарских револю-

ций в XX столетии, когда налицо во многих странах громадные слои крестьянства, когда весь отсталый Восток является вопросом о движении крестьянства, когда весь национальный вопрос, поскольку он выдвигается против империализма, есть вопрос о крестьянстве. Поэтому-то учение о крестьянстве Ильича имеет интернациональный характер и значение. Да, диктатура есть великое завоевание и громадная власть. Но если ты хочешь, чтобы эта власть удержалась и победила, ты должен употребить эту власть, с одной стороны, на свержение эксплоататоров, а с другой стороны, на завоевание доверия к себе громаднейших слоев крестьянства, которое, как добавлял Владимир Ильич, и *поверит тебе, и проверит тебя* окончательно только тогда, когда ты у власти станешь. Так говорил пролетариату Ленин. Вы видите, что этот вопрос об осуществлении власти рабочего класса через и при помощи союза его с крестьянством подводит нас целиком к тем практическим задачам, которые Владимир Ильич перед нами поставил.

Дальше Ильич говорит это в совершенно точных выражениях. «Государственная власть в руках одного класса, пролетариата, может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии и у мелкобуржуазных партий». Итак, государственный аппарат, государственная организация в руках пролетариата должна стать орудием привлечения к себе непролетарских слоев.

И, наконец, еще более ясное, еще более точное определение того же. «Диктатура пролетариата есть классовая борьба пролетариата при помощи такого орудия, как государственная власть, классовая борьба, одной из задач которой является демонстрирование на долгом опыте, на долгом ряде практических примеров, *демонстрирование непролетарским трудящимся слоям, что им выгоднее быть за диктатуру* пролетариата, чем за диктатуру буржуазии».

Вот чему учил Ленин. Диктатура может находиться лишь в руках самого революционного и подготовленного к этому класса, может находиться лишь в руках пролетариата. Диктатура есть форма организации государственной власти, и эта форма организации государственной власти должна быть пролетариатом направлена на то, чтобы на долгом ряде примеров *демонстрировать* на деле отсталому крестьянству, не подготовленному всем предшествующим развитием к пониманию социализма, что оно должно быть за социализм и должно итти за пролетариатом, а не за буржуазией.

Разве в эту общую форму не укладывается все наша политика? Когда первоначальная, самая простая форма союза рабочих и крестьян, в виде прямого, согласованного отпора помещикам, генералам и т. д., когда эта форма союза свою задачу выполнила и была изжита, пришла *новая* форма этого союза. Нам необходимо именно демонстрировать, как говорит Ильич, на практике хозяйственного строительства выгодность для крестьянства и для все более и более широких слоев крестьянства диктатуры пролетариата. Вся наша политика, во всех ее вариациях, сменах, исправлениях, опытах, укладывается в эту ленинскую формулировку диктатуры пролетариата, как орудия привлечения к себе самых широких крестьянских слоев, которые принципиально не против социализма, но которым надо доказать, что социализм, а следовательно, и пролетарское государство им выгодны.

Мы подошли, мне кажется, к тем практическим задачам, которые дал Владимир Ильич в последние дни, когда он мог еще руководить нами и международным пролетариатом. Вы все помните его последние статьи: «Лучше меньше, да лучше», «О кооперации» и т. д., которые мы все изучали самым внимательнейшим образом, но которые не всегда воспринимались в их тесной связи с общей цепью учения Ленина, которые иногда, быть-может, могли показаться резуль-

татом того, что положение тяжелое, что международная революция задержалась, что вышла длинная заминка. Если взять учение Ленина не как учение о нашей революции, т.-е. революции, развивавшейся в рамках бывшей Российской империи, а как учение об общей мировой пролетарской революции и пролетарской диктатуре,—это выходит совсем не так. Не потому заговорил Ленин о крестьянстве, что тяжело стало пролетариату единственной Советской Республики, но потому, что учение Ленина о крестьянстве и о союзе пролетариата с крестьянством до диктатуры, в момент диктатуры и после диктатуры входит составной частью в самое представление Ленина об условиях победы пролетарской революции. Чтобы окончательно подтвердить эту мысль и закончить изложение общих взглядов Ильича на взаимоотношения двух важнейших классов в ходе пролетарской революции, я должен обратить ваше внимание на одно произведение Владимира Ильича, которое, к сожалению, мало известно (я немножко повинен в том, что оно мало известно, ибо я не доглядел, и оно не включено в собрание сочинений Владимира Ильича), но которое является самым концентрированным, глубоким и точным выражением взглядов Владимира Ильича на вопросы смычки между пролетариатом и крестьянством, в свете не нашей территориально ограниченной революции, а в свете мировой пролетарской революции. Это—написанная Владимиром Ильичем резолюция по аграрному вопросу, предложенная им и принятая на II конгрессе Коминтерна в 1920 году.

В этой резолюции Ильич ополчился против «непонимания той истины, которая вполне доказана теоретическим марксизмом и подтверждена опытом пролетарской революции в России, именно: что, за исключением сельских рабочих, которые уже теперь стоят на стороне революции, разрозненное, забитое, придавленное, осужденное во всех, даже наиболее передовых, странах на полуварвар-

ские условия жизни сельское население вышеназванных трех категорий, будучи экономически, социально, культурно заинтересовано в победе социализма, только тогда сможет решительно поддержать революционный пролетариат, когда политическая власть будет последним завоевана, лишь *после* того, как осуществится окончательная его расправа с крупными землевладельцами и капиталистами, лишь *после* того, как эти задавленные слои сельского пролетариата увидят на *практике*, что у них имеется организованный вождь и защитник, достаточно могучий и твердый для помощи и руководства их, для указания им верного пути».

Я не знаю другого места в сочинениях Владимира Ильича, где с такой категоричностью было бы подчеркнуто, что именно *после* завоевания власти пролетариатом, *после* первых шагов по осуществлению им власти и встает во весь свой гигантский рост задача завоевания пролетариатом поддержки со стороны широких масс крестьянства.

Надо сопоставить это место со следующими словами той же резолюции: «Обеспеченность пролетарской победы и ее устойчивость—вот первая и основная задача пролетариата, при каких бы то ни было условиях... А устойчивою пролетарская победа быть не может без нейтрализации среднего крестьянства и обеспечения себе поддержки весьма значительной доли, если не всего мелкого крестьянства».

Это написано не для специально русских условий, это—резолюция мирового конгресса, рисующая условия победы пролетарской диктатуры во всем мире, рассчитанная отнюдь не только на нас, но и на Францию, Англию и Германию и т. д., и на колониальные страны. Ильич, которому принадлежит все в этой резолюции, говорит в ней, что пролетариат именно после завоевания власти должен создать такие условия, когда крестьянство сможет в широкой форме оказать ему доверие, сможет убедиться, что именно рабо-

чая власть осуществляет его истинные интересы, и что, с другой стороны, только тогда, когда завоевано доверие низших слоев крестьянства, когда нейтрализовано среднее крестьянство, только тогда пролетарская диктатура может считаться окончательной, устойчивой и может пойти дальше в осуществлении своих задач.

Так учение о союзе с крестьянством входит необходимой и важнейшей частью в общее учение Ленина об условиях победы пролетарских революций.

РАБОТА ПО ИЛЬИЧУ.

Позвольте напомнить, что же нам в первые дни 1923 г. указывал Ильич, как ближайшие практические задачи. Владимир Ильич писал в своих последних статьях: «Для того, чтобы обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контр-революционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком, между цивилизованнейшими государствами и государствами по-восточному отсталыми, которые, однако, составляют большинство, — этому большинству нужно успеть цивилизоваться...

«Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе, и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств...

«Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, мы получим возможность ценой величайшей экономии в нашем государстве добиться того, что всякое малейшее сбережение сохранит для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации и пр. «В этом и только в этом будет наша надежда. Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономии, рассчитанной на разоренную крестьянскую страну,—на

лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. п.»... Тогда... «мы в состоянии будем удержаться наверняка. И притом мы будем в состоянии удержаться не на уровне мелкокрестьянской страны, не на уровне этой всеобщей ограниченности, а на уровне, поднимающемся неуклонно вперед и вперед, крупной машинной индустрии».

Если свести указания, данные в этих статьях Вл. Ил. в виде последних его заветов, и попытаться эти заветы сделать критерием нашей будничной работы изо дня в день, их можно сформулировать так. Ильич завещал, исходя из общих, указанных выше начал своего учения о ходе и условиях победы пролетарской революции, крепко блюсти экономическую политику союза пролетариата с крестьянством, внимательнейшим образом изучать и подготовлять условия пересадки с обнищалой лошадки мужицкого хозяйства на кровного рысака крупной машинной индустрии, усиленно работать над тем, что им названо недостатком «цивилизации», использовать передышку для поднятия культуры страны.

С этой точки зрения Вл. Ил. обращал наше внимание особенно на кооперацию, на состояние государственного аппарата и, наконец, на то, что венчает все дело, без чего вся эта постройка распадается, как пыль, без чего она останется бессмысленной,—это партия, ее состав, ее идеология.

Вот заветы. Вот то, что неизбежно вытекало из всего учения ленинизма. Вот условия, при которых Вл. Ил. говорил: «Иначе мы не удержимся».

Чтобы осуществить эти заветы, или, вернее, чтобы подойти к осуществлению этих заветов Ильича, партия должна была усвоить себе следующее: необходимо на почве всяческого содействия трудовому крестьянству в деле поднятия его хозяйства, в деле расширения его потребления

городских продуктов, в деле создания благоприятных условий для разворачивания сельскохозяйственной продукции, создать базу для дальнейшего расширения основной силы пролетарской диктатуры—промышленности. Только на почве расширения крестьянского рынка, на почве возрастающего политического и экономического доверия широких масс крестьянства к хозяйственным способностям пролетариата, только на этой базе мог возникнуть и упрочиться процесс роста, укрепления и концентрации пролетариата в городах, а следовательно, и увеличения его социальной мощи. Эту политику, которая базирует рост пролетарского хозяйства на расширении крестьянского хозяйства, можно проводить только при сохранении и укреплении руководящей роли партии во всех экономических и политических организациях. Соблюдение, следовательно, правильного взаимоотношения между партией, рабочим классом и крестьянством,—вот что необходимо положить в основу нашей практической, будничной, строительской политики в духе Ленина.

Как же мы осуществили это в истекшем году? Создала ли пролетарская диктатура за последний год более благоприятные условия для разворачивания крестьянского хозяйства, для того, чтобы вызвать все большее и большее экономическое и политическое доверие крестьянства к пролетариату?

Много еще осталось сделать, немало сделано и ошибок, но в общем достижения в этой области несомненные.

Нас посетил в этом году неурожай. Все больше и больше выясняется, что вместо тех избытков хлеба, которые мы в прошлом году вывозили за границу, нам теперь придется в той или другой мере пополнять наши хлебные запасы для удержания цены на известном уровне, и, несмотря на это, мы можем сказать: в деле укрепления крестьянской лошадки сделано порядочно.

Так же, как и в первой части своего доклада я опирался на цитаты из Ильича, здесь, в деловой части, я должен буду иллюстрировать свои положения цифрами. Если мы взглянем, что сделалось с посевной площадью в этом году сравнительно с прошлым годом, то картина будет такая: в 1916 г. в пределах Союза вся посевная площадь была $86^1/_2$ миллионов десятин; в 1922 г. после великого неурожая она упала до 58,7 миллионов десятин; в 1923 г. она поднялась до 70 миллионов десятин, и за этот год без Ильича она поднялась до 76 миллионов десятин. Следовательно, мы за один год увеличили посевную площадь на 6 миллионов десятин, а, например, на Украине достигли уже уровня 1916 года. Если мы взглянем по отдельным культурам, чрезвычайно важным именно для нашей промышленности, взглянем, как обстоит дело со свеклой, с хлопком, со льном, с коноплей, то мы всюду увидим неслыханный за эти 8 лет рост площадей. Например, площадь сахарной свеклы за этот последний год—за один год без Ильича—увеличилась на 42%; посевы льна — на 25%; конопля—на 21% и — что особенно важно для нашей промышленности и для смычки с крестьянством—площадь посевов хлопка увеличилась на 134%; она достигла уже 454 тысяч десятин. Если мы обратимся к скотоводству, то и здесь мы замечаем несомненное улучшение. Количество лошадей, например, было в 1922 г.—20,2 миллиона, в 1923 г.—20,3 миллиона, в 1924 г.—22,2 миллиона. Крупного рогатого скота в 1923 г.—39,2 миллиона, в 1924 г.—46,3 миллиона. Чрезвычайно важное для крестьянского хозяйства, крестьянская копила, свиноводство увеличилось таким образом: в 1922 г.—8,6 миллиона, в 1923 г.—9,1 миллиона, в 1924 г.—16,8 миллиона штук.

Я привожу эти цифры для того, чтобы показать несомненное улучшение за этот год условий для дальнейшего подъема нашего сельского хозяйства. Но этого мало.

Мы добились за этот год не только создания таких условий, когда сельскохозяйственная продукция растет, — мы добились и того, что гораздо лучше поставлено снабжение крестьян продуктами городской промышленности. Мы далеко еще не удовлетворяем потребностей крестьянства в продуктах городской промышленности, и поэтому мы ни в коем случае не смеем успокоиться на каком-нибудь оптимизме и сказать, что мы уже завоевали крестьянство в экономическом смысле, т.-е., что мы уже доказали крестьянству, что мы можем его снабжать с наших национализированных фабрик и заводов так же дешево и так же широко, как снабжал его капитализм. Нам, коммунистам, не приличествует, особенно в дни, когда мы вспоминаем Ильича, закрывать глаза на правду. Мы должны сказать: мы снабжаем крестьянство еще дорого и снабжаем его еще недостаточно, и потому крестьянство право, когда оно нам говорит: ну, вы начинаете, господа коммунисты, поправляться, видим, что вы стараетесь, а вот, дойдете ли до того, что нам нужно, — мы еще не вполне уверены. На этой почве и происходит то колебательное настроение среди крестьянства, которое необходимо отметить. Мы видим несомненный рост политического доверия к нам, — рост, основанный на том, что крестьянство оценивает несомненное стремление пролетариата, господствующего класса, пойти ему навстречу, и главное, в чем крестьянство видит это стремление, — это в нашей политике снижения цен. Политика снижения цен, проведенная за этот год в борьбе с некоторыми тенденциями внутри нашей партии, отнюдь не была чисто-экономической мерой, она была по сути дела крупнейшей политической мерой. Только с того момента, когда крестьяне убедятся, что хозяин городской промышленности и руководитель государства — пролетариат действительно напрягает усилия и изыскивает пути для того, чтобы дать крестьянину ситец, керосин, гвоздь дешевле, чем он давал ему в прошлом

году,—только с этого момента можно сказать: крестьянин оказывает нам доверие, он не отказывает нам даже и в кредите. Этим кредитом мы должны воспользоваться, как отсрочкой, для того, чтобы еще более нажать с нашей стороны в сторону улучшения и удешевления производства, в сторону улучшения снабжения крестьянства. Политика снижения цен, уже проведенная нами и которая будет проводиться дальше, есть один из важнейших политических, а не только экономических моментов смычки. Это—первое. Второе, что здесь, несомненно, играет громаднейшую роль,—это произведенная нами денежная реформа,—одно из важнейших завоеваний этого года, года без Владимира Ильича, относительно которой Ильич сам писал еще раньше: «Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда стабилизовать рубль,—значит, мы выиграли». Этот завет Владимира Ильича выполнен. Да, денежная реформа в условиях совершенно исключительной трудности, в условиях без получения заграничного займа, без поддержки мирового денежного рынка, а при противодействии мирового капитала, денежная реформа проведена. Во имя этой денежной реформы принесены большие жертвы. Вы помните февраль, март, апрель, когда мы, кажется, в этом же зале обсуждали вопрос о том, как скажется денежная реформа на уровне заработной платы, и как мы переносили из этого зала на фабрики и заводы наш призыв к тому, что рабочие должны пойти на некоторые временные жертвы в области зарплаты в данный момент для того, чтобы получить твердую валюту и этим стабилизировать свой собственный рабочий бюджет, укрепить заработную плату, стабилизировать бюджет крестьянина и создать твердую основу для товарооборота между городом и деревней, а следовательно, для экономической смычки между городом и деревней. Денежная реформа проведена. Непосредственно для крестьянства она обозначает, что мы в этом году сняли

с крестьянства тяжесть эмиссионного налога, не менее, чем в 200—300 миллионов рублей. Таким образом, эта вторая мера после снижения цен, денежная реформа, несомненно, тоже идет по линии, намеченной Ильичем, и создает условия для теснейшего союза рабочих и крестьян. Наконец, мы, благодаря снижению цен, с одной стороны, и борьбе с «ножницами» на почве твердой валюты, с другой стороны, сжали то расхождение цен, которое в прошлом году, несомненно, стало уже порождать известное колебание в крестьянской массе. Эти меры—денежная реформа, политика снижения цен и сжатие «ножниц»—есть важнейшие завоевания в области предпосылок смычки, проделанных за этот год, и нет никакого сомнения, что эти три меры проведены в духе Ильича, по линии его политики, для осуществления его целей.

Но, повторяю, мы ни в коем случае, не должны предаваться здесь какому бы то ни было оптимизму. Оптимизм в этом деле был бы изменой духу Владимира Ильича. Работая в области укрепления отношений крестьянства с пролетариатом, нам придется еще многое и многое проделать, и то, что проделано, недостаточно. Сейчас увеличение снабжения крестьянского рынка недостаточно, снижение цен— недостаточно, и на почве этого недостаточного снижения мы уже имеем ряд сведений о том, что крестьянская мысль начинает продвигаться за наши пределы в поисках за дешовым ситцем, галантереей, гвоздем и т. д. Это есть реальная опасность. Для того, чтобы это не приняло какого-нибудь более общего политического оттенка, мы имеем в руках только одно средство борьбы, а именно, увеличивать и увеличивать нашу промышленность, снижать цены, увеличивать производительность труда с тем, чтобы показать крестьянству, что мы можем дешево и в полной мере снабдить его необходимыми предметами промышленности.

РАЗВИТИЕ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Мы не должны успокаиваться также и потому, что в области политического обслуживания деревни мы далеко еще не сделали того, что можно и должно сделать. А между тем, за этот год мы имеем целый ряд фактов, на которые закрывать глаза нельзя, и которые в общей сложности дают картину того, что административное обслуживание деревни нашей партией и нашим государством далеко не поставлено на достаточную высоту. Надо решить в духе тов. Ленина те вопросы, которые поставлены ЦК перед всей партией, в виде введения большей законности в деревне, в виде оживления деятельности советов на местах, в виде очистки и улучшения советского аппарата в деревне, в виде искоренения произвола и взяточничества, которые на низших ступенях советского аппарата, именно там, где он соприкасается с деревней, свили себе очень глубокое гнездо, которое надо, как можно скорее, и как можно решительнее очистить. Работы в деревне перед нами чрезвычайно много.

Но если мы не будем забывать того основного положения Владимира Ильича, что именно после завоевания политической власти пролетариат и должен сделать государственную и экономическую организацию способом демонстрирования на практике преимуществ пролетарского строя перед буржуазным, перед широкими массами,—если мы этого забывать не будем и будем это проделывать, то со всеми трудностями мы справимся. Надо итти дальше по уже намеченному пути. Первые результаты мы имеем в оглашенных мною цифрах. Много еще остается недоделанного, многое нужно доделать, но путь, выбранный нами, совершенно правилен. Мы должны отдать себе отчет, что крестьянство есть базис пролетарской диктатуры в том смысле, что только на почве этого крестьянского многомиллионного хозяйства

мы можем восстановить и расширить нашу крупную промышленность.

Конечно, производство хлеба, производство конопли, производство льна, производство тех свиней, о которых я упоминал,—конечно, это очень важно. Но вопрос о самостоятельности и независимости первой пролетарской республики решается не коноплей, решается не свиньей,—он решается обработкой стали, выработкой машин, угля, нефти, вообще поднятием нашей индустрии. Вот где решающий узел. Но мы не можем развить этих отраслей промышленности, не можем, следовательно, строить эту пролетарскую крепость, не можем собрать за ее стенами отборной армии квалифицированных рабочих,—живой материал пролетарской диктатуры,—иначе как только найдя в крестьянстве рынок для продуктов нашей промышленности. А это ставит вопрос о том, чтобы создать благоприятные условия накопления в крестьянстве, но не только накопления, но и общественно-кооперативного направления накопленных средств. Мы хотим иметь крестьянство, способное потреблять увеличивающуюся продукцию наших развивающихся отраслей промышленности, но мы не хотим, чтобы передача из города в деревню шла помимо государственных и контролируемых государством организаций, т. е. помимо кооперативной организации. Мы не можем допустить, чтобы эта экономическая смычка осуществлялась при помощи частного капитала, и поэтому вопрос о кооперации, о связи с крестьянством и о развитии промышленности увязывается в один целостный вопрос. И здесь имеем завет Ильича: изучайте внимательно и подробно все те условия, которые благоприятствуют тому, чтобы пересесть с нищей, обнищалой, крестьянской лошадки на рысака крупного машинного производства.

Что нами здесь достигнуто? И в области промышленности, как и в области улучшения условий сельскохозяй-

ственного производства, мы, несомненно, имеем порядочные успехи. Я указывал на одном собрании, что посторонние нашей партии экономисты, статистики, изучая условия промышленного производства за этот год, называют этот год рекордным, т.-е. годом высших достижений в области промышленности за все время существования Советской власти.

Действительно, если мы обратим внимание на цифры, то увидим два чрезвычайно важных явления. С одной стороны, очень крупными, сравнительно, шагами увеличивается продукция нашей промышленности во всех, без исключения, отраслях. С другой стороны, не менее важным признаком является то, что это увеличение продукции не является результатом какого-нибудь скачка или прыжка, а является совершенно планомерным явлением, растущим из месяца в месяц, из квартала в квартал, что свидетельствует о здоровом росте, о том, что нас, если мы не слишком наглупим, не ожидает каких-нибудь катастрофических срывов, а что мы можем надеяться при правильной политике на все повышающуюся и повышающуюся линию. Этого достигнуть можно было, конечно, только на почве правильной политики в отношении крестьянства. И в дальнейшем развитие промышленности,—а рост промышленности значит увеличение количества и качества пролетариата, увеличение социальной мощи пролетариата, следовательно, увеличение той живой силы, на которой держится диктатура пролетариата, весь наш государственный и политический строй,—возможно только в том случае, если мы для крестьянства, для его развития, для его хозяйствования, для улучшения крестьянского хозяйства будем создавать благоприятные условия.

Несколько цифр для того, чтобы вы, товарищи, рассказывая рабочим о том, как мы прожили этот год, могли не только фразами, но и фактами показать, что наследства

ленинского мы не растратили, а стремились его приумножить. Я приведу несколько цифр, при чем рекомендую вам для ознакомления брошюру, из которой приведу эти цифры. Это брошюра Крумина, редактора «Экономической Жизни»: «Под знаком роста и укрепления». Цифры следующие: крупная промышленность расширилась по сравнению с 1922—23 годом несколько более, чем на 30%. В 1923—24 г., последнем году, году без Ленина, производство достигло и превзошло $1^1/_2$ миллиарда довоенных рублей. Это—общая продукция нашей государственной промышленности, в то время как в прошлом году, в 1923 году, она достигала 1 миллиарда 200 миллионов. Если взять отдельные отрасли промышленности, например, количество готовых хлопчатобумажных тканей, то увеличение за этот год произошло на 44%. Чугуна произведено в 1923 году 18,33 миллиона пудов, в 1924 г.—40,4 миллиона пудов. Стали в 1923 г.—36 миллионов, в 1924 году—60 миллионов. Прокатка в 1923 году—27 миллионов, в 1924 году—41 миллион. Это касается металлургической промышленности, восстановление которой есть вместе с тем восстановление основного капитала промышленности, что, конечно, для нас чрезвычайно важно. Если мы обратимся к углю, то в прошлом году нами выработано 660 миллионов пудов, в этом году мы выработали 860 миллионов пудов, на 200 миллионов пудов больше за один год. Нефти в прошлом году—315 миллионов, а в этом году—360 миллионов.

Вот самые основные характерные цифры, которые требуют только одного добавления. Ильич проводил последние годы своей экономической работы под знаком постоянного топливного и транспортного кризиса. Вы легко себе можете представить, какие постоянные перебои в работе высших государственных органов, которыми руководил Владимир Ильич, происходили от того, что вопрос обеспечения промышленности топливом и вопрос обеспечения всего товаро-

оборота и продовольствия транспортом постоянно, из месяца в месяц срывался. Это была подлинная трагедия, потому что нельзя было вести никакого планового хозяйства, смешно было бы говорить об удовлетворении потребностей крестьянства, трагично было бы говорить о том, чтобы дать крестьянам равное количество ценностей за взятый у них хлеб со стороны города, когда город был не обеспечен топливом, а городские продукты не были обеспечены перевозом, не говоря уже о том, что это неизбежно вело к деклассированию, разжижению, распылению пролетариата, понижению его социальной мощи. Мы можем теперь сказать, что эти два кризиса, кризис топливный и кризис транспортный, изжиты нами до конца. Мы сейчас заботимся не о том, чтобы увеличить количество добываемого хлеба для промышленности, в виде угля и нефти, а о том, чтобы найти заграничные рынки для избытков нашего топлива, и становимся в области топливной немножко «империалистами», потому что надо завоевывать эти рынки. Таким образом, мы имеем все предпосылки для дальнейшего правильного разворачивания промышленности, для планового поступательного хода ее.

Конечно, и здесь мы не имеем права быть оптимистами, и здесь мы должны сказать, что хотя мы растем довольно большими шагами за последний год, но мы не доросли еще даже до довоенного уровня. Если в период гражданской войны, 1919—20 год, как на первую примерку, можно было давать задание: ну-ка, дорвитесь до довоенного уровня,— то теперь нам неуместно, стыдно ставить только эту задачу. Нам надо, явное дело, превзойти довоенный уровень, если мы хотим доказать многомиллионному крестьянству, что ему выгоднее иметь государство рабочих с национализированной промышленностью, чем капиталистов с частной собственностью и частным торговым аппаратом. Нам надо превзойти довоенные нормы, а мы еще их не достигли, и

здесь задача громадная, но рекордный успех, достигнутый в этом году, показывает, что мы стоим на правильном пути.

Мы нашли правильную пропорцию между крестьянским рынком, крестьянской потребительной способностью, и ростом нашей индустрии. Совершается еще много ошибок, от нетерпения часто перескакивают в той или другой отрасли промышленности, чем, конечно, обеспложивают другую отрасль промышленности. Заработную плату мы стабилизовали, и нельзя сказать, что на низком уровне. Благодаря введению денежной реформы заработная плата выше сейчас, чем была до денежной реформы. Мы добиваемся того, что заработная плата начинает выплачиваться в срок, во-время, что тоже немалое достижение в наших условиях. Полной планомерности, плановости, полного равновесия между отдельными отраслями хозяйства мы еще не достигли, промашки бывают, но в области промышленности мы имеем такой ход развития, при котором Владимир Ильич сказал бы: вы работаете правильно. Это высшая похвала, которую мы хотели бы получить. И это достигнуто, несмотря на неурожай. Об этом нельзя забывать.

КУЛЬТУРНАЯ РАБОТА В ДЕРЕВНЕ.

Пойдем дальше. Владимир Ильич рекомендовал воспользоваться передышкой между столкновением империалистского Запада и революционного Востока для того, чтобы «цивилизоваться». Здесь тоже естественно спросить себя: случайно ли попалось Ильичу это слово под перо? Откуда такой совет—цивилизоваться? Но вы знаете: не было у Ильича лозунгов, которые бы не хранили в себе громадного содержания. Многие коммунисты удивлялись, когда Ильич сказал: учитесь торговать. Теперь все это поняли. Это было спасение. Этот лозунг, такой простой, обычный, неэффектный, хранил ответ на вопрос: как осу-

ществить смычку города с деревней в данный момент? Так и с лозунгом «цивилизоваться», с тем лозунгом о поднятии культуры, который Владимир Ильич неоднократно, особенно за последнее время, повторял. Это—вопрос о темноте, отсталости, не только в смысле простой неграмотности, но и в смысле отсутствия навыков к коллективной общественной работе, в отсутствии навыков к организации в деревне,—я говорю сейчас о деревне, о страшной распыленности и раздробленности этой деревни; это зло, то проклятое наследство проклятых прошлых веков, которое черным пятном лежит на нашей республике, и которое, как гиря, держит нас. Поэтому-то Ильич и говорил: покуда придет следующее столкновение, которое потребует от Советской Республики полного напряжения, партия и государство должны обратить особое внимание на поднятие культуры в тех слоях населения, которые, благодаря прошлому, более всего отстали. Маркс писал в 50-х годах немецким рабочим: «Вам придется пережить 15—20—50 лет гражданских войн и битв народов не только для того, чтобы изменить строй, но чтобы изменить и самих себя и сделаться способными к политическому господству». Это—рабочим. Подумайте, что нужно сказать относительно крестьян, которых душили в вековом рабстве, какие усилия нужны для того, чтобы крестьянство действительно изжило все остатки этого прошлого, чтобы оно научилось действительно коллективно подходить к общественным вопросам, коллективно организоваться, коллективно вводить улучшения всякого рода в свое хозяйничанье, в свой быт, в свое строительство. Вот та громадная проблема, которую имел в виду Ильич, когда писал: «Одна из основных задач большинства—это успеть цивилизоваться».

Как поднять культурный уровень деревни? Первое дело,—и этому недаром посвятил одну из страничек своего дневника Ильич,—это дело просвещения, дело ликвидации

всяческой безграмотности. Бюджет народного просвещения за последний год увеличен сразу на пару десятков миллионов рублей. Мы имеем возможность надеяться, что и в дальнейшем бюджет народного просвещения все время будет увеличиваться. ЦК обратил внимание на тот слой деревенской интеллигенции, который должен быть одним из главных проводников задач «цивилизации» в деревне. Буржуазные государства везде,—в самых передовых странах, в Америке, во Франции, в Англии,—пытаются держать крестьянство на самом низком уровне развития, используя для своего господства распыленность, раздробленность, отсутствие классового самосознания крестьянства. Весь буржуазный строй держится на отсталости крестьянства. Единственный строй, который заинтересован в том, чтобы превратить государство в орудие внесения культуры в деревню, есть пролетарское государство. Ильич указывал на это, как на очередную задачу. Увеличение бюджета народного просвещения, постановка вопроса о ликвидации безграмотности, привлечение так-наз. сельской интеллигенции, прежде всего в виде учителей, созыв учительского съезда, который завтра откроется и который должен стать одним из таких каналов, по которому пролетарская власть будет вводить в деревню не буржуазную культуру разделения крестьянства, а пролетарскую культуру объединения его,—вот те новые шаги, которые мы в этой области за этот последний год предприняли, и которые идут по заветам Владимира Ильича. Но школы—это книжка. Это—вещь необходимая, но это не все, это далеко еще не все, что нужно для того, чтобы остатки старой темноты были изжиты в деревне. Там нужно больше самодеятельности, нужно больше привычки к коллективной работе, и поэтому кооперирование деревни на тех началах, о которых говорил Владимир Ильич,—а он говорил: «Кооперирование есть *действительное* участие *действительных* масс населения в кооперации»,—

вот один из методов, который больше всего ведет к делу внесения, — если говорить ильичовскими словами, — цивилизации в деревню. Ильич звал нас в своих последних статьях о кооперации «научиться практически строить социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении», и подчеркивал, что именно кооперация и есть та форма практического, будничного дела, при которой каждый крестьянин может принять участие в деле постройки социализма.

Вот практический подход к делу «цивилизации», и здесь, быть может, резче, чем в другом, сказывается одна гениальная черта Ильича, который смотрел на пролетарское государство, как на хозяйское дело, для которого социализм не был картиной, фразой, мечтой, дающей утешение, дымом, уходящим в небеса, а практическим, черным, постоянным делом, которое он хотел вести так, чтоб не только каждый рабочий участвовал в построении социализма, но и каждый крестьянин строил бы социализм своими собственными усилиями на обычном, будничном деле. И Ильич указал, где то будничное дело, которое, будучи прибавлено к власти пролетариата, может организовывать массы крестьянства и поставить каждого крестьянина в такое положение, чтобы он стихийно служил делу социализма. Это — кооперация, такая кооперация, в которой, как говорил Ильич, *действительно* участвуют *действительные* массы населения. Мы сделали в этом отношении еще мало, но кое-что сделали. Если бы сейчас Владимир Ильич потребовал от нас ответа, что в этой области сделано, мы вошли бы с цифрами и сказали, что оборот потребительской кооперации за этот год увеличился на 140%, а сельскохоз. кооперация увеличилась на 109%. Два с половиной миллиона хозяйств уже объединены в сельскохозяйственной производственной кооперации, уже продукты сельского хозяйства по кооперативному руслу идут за границу, и в тот год, когда мы не можем

вывозить хлеб, и казалось бы, что должна в нашем бюджете обнаружиться дыра, мы заполнили эту дыру не только промышленными продуктами (лесом, нефтью, рудой), но и продуктами крестьянского животноводства, птицеводства (яица, масло), которые идут по кооперативному руслу. Тут есть некоторые достижения. Они малы, надо развивать их больше и больше, надо особенно настаивать на том, что та кооперация, строить которую заповедал Владимир Ильич, должна быть кооперацией, в которой принимают *действительное* участие *действительные* массы населения, а не бумажной кооперацией, кооперацией, превращающейся в лавочку, кооперацией, которая действительно развивает общественные навыки, кооперацией на началах подлинного добровольного членства и подлинной выборности, а не назначенства. Вот важнейший фактор, который должен связать рабочих и крестьян, а крестьянство из распыленного и темного превратить в организованную силу. Эта организованная сила,—мы в этом уверены, и на этом построено наше учение,—пойдет не за кем иным, а именно за рабочим классом, поскольку рабочий класс будет направлять свою политику к тому, чтоб поддержать союз рабочих и крестьян и экономически, и политически.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ.

Не только на вопросе о кооперации особенно заострял Владимир Ильич свои последние статьи,—они были заострены на вопросе о нашем госаппарате. И это естественно. Дело руководства государством у нас все более и более осложняется. Вместо приказов, декретов, которые подлежали исполнению без дальних рассуждений, нам приходится в обстановке нэп'а действовать более сложными путями. Обстановка осложнилась, и приходится действовать целой системой приводных рычагов. Наше государство экономиче-

ски представляет не элементарный, простой механизм эпохи военного коммунизма, а очень сложный механизм, который двигается целой системой рычагов. Одни—важнейшие: национализованная промышленность, монополия внешней торговли, самая советская организация, другие — меньше: регулирование цен, государственная закупка хлеба и т. д. Целая система больших и малых рычагов, которая охватывает и которая дает возможность пролетариату действительно направлять всю массу полупролетариата и крестьянства. Эти рычаги в наших руках. Эти командные высоты мы держим и никого не допустим к ним. Но умеем ли мы ими надлежащим образом управлять, во-время передвигать, достаточно ли гибок наш аппарат? Нет, далеко нет. Власти, как говаривал Владимир Ильич, предостаточно, но пользоваться этой властью мы еще не очень умеем. Система передаточных рычагов и методы управления ими—дело очень сложное и требует длительного изучения и приспособления, а та система, при помощи которой мы управляем рычагами, и есть госаппарат, при чем, как говорил Владимир Ильич, он у нас наполовину старый, так как у нас нет нового поколения, которое могло бы заменить старое с достаточным знанием дела. Поэтому-то так важна здесь роль партии, так существенно внимательное наблюдение со стороны партии, потому что если внимательный глаз партии от этого отойдет, то вся система может сдвинуться и пойти в другую сторону. Мы имеем давление нэп'а, мелкобуржуазное давление, давление международной антисоветской обстановки, и этому должно и может быть противопоставлено только одно: руководящая, направляющая роль партии, что отнюдь не есть дергание, но есть политическое руководство и контроль в каждый данный момент и на нужном месте, уменье наблюдать за правильным выполнением директив партии. Этот аппарат наверху должен стать гибче, сложнее, ответственнее, а внизу — более внимательным к местным потребностям,

более тонким, более чутко регистрирующим настроение мест и масс и отражающим это настроение, а прежде всего более связанным с местными потребностями. Ибо если этот низовой советский аппарат вместо того, чтобы быть передаточным механизмом низовых настроений наверх и управления сверху вниз, является стеной между ними и не доводит доверху подлинных настроений низов, то получается опасность отрыва настроений низов, то получается опасность отрыва руководящего аппарата, не зная того, что делается в стране, невозможность направить всякое недовольство в такое русло, которое будет на пользу Советской власти, и накопления этого недовольства вместо его разрежения принятием своевременных и нужных мер. Учитывая все это, Владимир Ильич так бешено нападал в последнее время на негодность госаппарата и требовал строжайшего контроля, требовал всевозможных мер к тому, чтоб этот аппарат приспособить к новым задачам государственной власти.

Один из способов подправить дело в этой области, установить непосредственную и прямую связь между низовым аппаратом и руководящими кругами, руководящим государственным аппаратом,—это есть то «оживление советов», которое сейчас поставлено на очередь, и которое мы, несомненно, получим. Это есть приближение советов к местам, более внимательное отношение совета к массе, создание такой обстановки, когда крестьянин видел бы в совете действительно свой орган, и шел бы в совет не как к чиновнику, откуда-то со стороны поставленному и поэтому бюрократически, бездушно и казенно относящемуся к его потребностям, а шел бы туда со всеми своими потребностями и даже со своим недовольством, потому что лучше, если он выскажет это недовольство в пределах советской системы, и это недовольство, политически нами осмысленное, даст повод к тем или другим мероприятиям, чем если оно, помимо советской системы, начнет наносить удары с боков.

ЗАВЕТЫ ИЛЬИЧА О ЕДИНСТВЕ ПАРТИИ.

Вот краткие итоги того, что мы сделали за год, и те вопросы, которые мы ставили за последний год, находясь все время под влиянием того, что нам заповедал Владимир Ильич. Остается самый большой и самый важный вопрос: это — вопрос о партии. Как я уже сказал, вся эта система роста промышленности, увязки этой промышленности с крестьянством, кооперации, госаппарата,—все это было бы обеспложено и обездушено, если бы в области партии мы не соблюдали заветов Ильича, если бы здесь у нас обнаружилась какая-нибудь червоточина, которая свидетельствовала бы о какой-нибудь глубокой болезни партии.

Я не буду говорить здесь об учении Ильича о партии. Укажу только одно. Ильич учил, что пролетариат может достичь своих целей лишь под руководством строго выдержанной до конца революционной, группирующей в своих рядах весь подлинный пролетарский авангард коммунистической партии. Его учение о партии характеризуется больше всего исторически тем, что он с беспощадностью, не виданной, вероятно, ни в одной партии, относился ко всяким уклонениям от той правильной классовой линии, которую должна занимать партия. История нашей партии наполнена длинным рядом идейных битв, которые вел Владимир Ильич за чистоту партийной идеологии. Нельзя написать историю нашей партии без того, чтобы не описать ряд блестящих сражений, которые Ильич давал всем, кто пытался хотя бы в малой доле отклонить партию от ее правильно намеченного пути. Это вполне связывается с общим учением Ленина, с его учением о роли в социалистической революции пролетариата и его авангарда, а авангард и есть коммунистическая партия. Поскольку пролетариат должен осуществлять свою диктатуру в обществе чрезвычайно разномаст-

ном, состоящем из самых различных групп, в обществе, которое всеми силами своими, всеми своими учреждениями и всей своей идеологией давит на пролетариат и пытается заразить его буржуазными, мелкобуржуазными, социально-реформаторскими и прочими миазмами буржуазного мировоззрения и буржуазной политики,—постольку беспощадная, постоянная, систематическая война со всеми этими наслоениями, выделение подлинного ядра, чистота идеологии пролетариата выдвигались неизбежно и неизменно Владимиром Ильичем, как основная задача. Иногда возникает такая мысль: если эта беспощадная, систематическая, непрестанная борьба за чистоту партийной идеологии, за правильность руководства партии, за монолитность руководящего штаба партии была необходима тогда, когда партия только шла к власти, то, быть-может, дело изменилось с того момента, когда партия стала правящей партией; может-быть, ее положение, как партии правящей, как партии, осуществляющей диктатуру пролетариата, требует другого, более мягкого, более «широкого» подхода к вопросам монолитности и чистоты идеологии и руководства партии.

Мы думаем, что дело обстоит как-раз наоборот, и думаем так на основании именно того, чему нас учил Ленин. Именно потому, что мы—правящая партия, именно потому, что, по словам Ленина, эта правящая партия в эпоху осуществления диктатуры должна искусно лавировать и маневрировать на каждом этапе и повороте, уметь взять себе в союзники те или другие элементы из колеблющихся, из примыкающих и нестойких союзников, именно поскольку правящей партии необходимо проделывать эти политические маневры, она сама-то должна быть наиболее стойкой, наиболее монолитной и в своей идеологии, и в руководстве, должна быть подлинно коммунистической, т.-е. ленинской партией, знающей точно свою цель и позволяющей себе маневры именно потому, что она может не опасаться, что тот

или другой маневр увлечет ее в сторону. Поэтому, когда возникает мысль о том, что, может-быть, для правящей партии излишняя роскошь—строгая чистота идеологии, борьба на идейном фронте, открытое провозглашение любой ошибки, сделанной каким бы то ни было товарищем, — мы говорим: это было бы не по-ленински. По-ленински, для проведения победоносной пролетарской революции необходимо точное сознание цели партии, полная монолитность ее, действительное единомыслие в ее штабе, единство в руководстве...

С этой точки зрения мы должны оценить и ту дискуссию, которая заполнила этот год без Владимира Ильича. Дискуссия, которая велась за последние месяцы, является естественным продолжением той дискуссии, которая началась еще в прошлом году. Написано о причинах этой дискуссии и ее содержании слишком много. Я по содержанию этой дискуссии ничего нового прибавить не имею. Мы должны только теперь в эти дни отдать себе отчет, имели ли мы право итти на эту дискуссию, по-ленински ли мы шли на эту дискуссию, или мы здесь изменили духу ленинского учения. Я думаю, что партия имеет на это свой ответ. Единодушие партии, единодушие, неслыханное при прежних спорах внутри партии, всецело свидетельствует о том, что она глубоко и вполне уверена, что, объявляя решительную борьбу против подмены ленинизма троцкизмом, не допуская никакой ревизии ленинизма, она поступила так, как должна была поступить, поскольку хотела остаться партией ленинцев. На-днях ЦК должен будет сделать организационные выводы из этой дискуссии. Мы не можем здесь предрешить этих выводов, и я, как член коллегии, не могу здесь предрешать решений ЦК. Но мы можем, однако, быть совершенно уверены, что так же, как защита основных начал ленинизма против всякой попытки ревизии их была проведена правильно, решительно и до конца соответственно тому, чему

учил нас Ленин, так и организационные выводы из этой дискуссии будут сделаны в том же духе ленинизма. Я говорил об отношении Ленина и о том, чему он нас учил по вопросу о руководстве партии, об идеологии партии. Значит ли это, что Ильич применял этот метод и к самому составу партии? Нет, тут у него был и другой дополнительный критерий. Конечно, Ильич и к общему составу партии применял этот же метод выдержанной идеологии, но тут он заполнял его другим критерием, тем критерием, который он применял ко всей своей практике. Ильич жалел о том, что Маркс не написал книги о том, как делать пролетарскую революцию. Он неоднократно в частных разговорах указывал, что вот у Маркса можно многому научиться, а как делать пролетарскую революцию, об этом Маркс не написал и не мог, конечно, написать. Но Ильич дополнял: но то, что не дописал Маркс, доделают сами пролетарские массы. Их творчеству в революции, их классовому инстинкту больше всего доверял Владимир Ильич. И в вопросе о составе партии он применял отнюдь не только тот критерий, который должен быть применяем к штабу, к руководителю,—он применял классовый критерий, критерий классового состава партии. Он первый поднял вопрос о чистке, когда стало ясно, что наша партия, как партия привилегированная, привлекает к себе элементы отнюдь не пролетарские ни по своей психологии, ни по своему происхождению. Ему принадлежит идея очищения партии ради ее опролетаризирования. И поэтому вполне в духе Ильича было то явление, которое тоже относится к величайшим итогам истекшего года, явление, которое мы называем ленинским призывом, когда пролетариат влил в наши ряды четверть миллиона лучших своих представителей для того, чтобы заделать ту брешь, которая образовалась с выходом из наших рядов тов. Ленина. Надо уметь сочетать это: прилив широких масс пролетариев в наши ряды и создание таким образом грандиозной, неслы-

ханной пролетарской основы для самой партии с подлинным ленинским руководством, не допускающим никаких колебаний, следующим во всей своей политике, политике и заветам Ленина и резко отметающим всякую попытку под каким бы то ни было предлогом заменить ленинские заветы какими бы то ни было другими. В этом сочетании—сила, непреодолимая сила нашей партии, указание на ее дальнейшие пути.

Так складываются итоги этого года. Еще несколько слов о международной обстановке. Она мало благоприятна в данный момент. Но и в оценке ее Ленин оказался более прав, чем кто бы то ни было. Теперь совершенно ясно, как прав был Ильич в своей общей характеристике международной обстановке в своей статье «Лучше меньше, да лучше». Он сказал там: разные могут быть периоды, через разные этапы пройдет и развитие Запада, и развитие Востока, но суть дела «в столкновении реакционного империалистического Запада с революционным националистическим Востоком». И это та правда, которая вскрывает политические международные комбинации сегодняшнего дня. Мы видели пацифистски-демократическую эру и даже увлечение этой эрой среди некоторых коммунистов. Мы видели, как эта одежда империализма начала с него спадать, и он снова предстал перед нами в лице Чемберлена, в лице Муссолини, в лице Кулиджа, а вместе с тем мы видели, как эта империалистическая реакционная Европа и Америка разжигают все больше и больше революционное настроение Востока. «Эра» прошла и сменилась другой, может-быть, будут и еще смены, а основное, что наметил Ленин,—неизбежное столкновение империалистского Запада и революционного националистического Востока, который будет все больше и больше разжигаться империалистической политикой,—это остается как общая характеристика всего исторического процесса, который проходит перед нами.

Несмотря на неблагоприятные условия международной обстановки, несмотря на неурожай, несмотря на дискуссию, которая нас захватила в прошлый и в этот год, мы можем сказать: угнетенное человечество за этот год стало сильнее, стало организованнее, стало более подготовлено к той революционной борьбе, которая перед нами раскрывается. И если каждый год в эти дни мы будем приходить к Ильичу с тем, что сможем ему сказать: в этот год мы стали еще и еще сильнее, то тогда близок будет день, когда силы наши будут достаточны для того, чтобы целиком осуществить заветы Владимира Ильича. И тогда тот мавзолей на Красной площади в Москве, который уже сейчас стал средоточием всего борющегося мира, станет знаменем окончательной победы трудящегося человечества: ленинизм победит старый мир насилия и рабства.

СОДЕРЖАНИЕ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ЛЕНИН, О ЛЕНИНЕ и О ЛЕНИНИЗМЕ.

Адоратский, В. О теории и практике ленинизма. (революционного марксизма.) М. Л. „Красная Новь". 1924. 137 стр. Ц. 75 к. (Распр.)

Бухарин, Н. Революционный теоретик. Изд. Л. ГИЗ. 1924. 12 стр. Ц. 5 к.

Воронский, А. Ленин и человечество. Изд. Л. ГИЗ. 1924. 64 стр. Ц. 20 к.

Гиринис, С. Ленин о специалистах науки и техники. М.—Л. „Кр. Новь". 1924. 38 стр. Ц. 20 к.

Деборин, А. Ленин как мыслитель. Изд. М.—Л. „Красная Новь". 1924. 87 стр. Ц. 45 к.

Еремеев, К. I. Ленин и рабочий класс. — II. Встречи с ним. 2-е изд. Л. ГИЗ. 1924. 30 стр. Ц. 10 к.

Зиновьев, Г. Ленин. Л. ГИЗ. 1924. 310 стр. Ц. 2 р. (Распродано.)

Его же. Мировая партия ленинизма. М. „Кр. Новь". 1924. 226 стр. Ц. 70 к.

Его же. В. И. Ленин. Краткий биографический очерк. Л. ГИЗ. 1924. 31 стр. Ц. 15 к.

Его же. На смерть Ленина. Л. ГИЗ. 1924. Ц. 15 к.

Его же. В. И. Ленин. Гений, учитель, вождь и человек. (Речь на заседании Ленинградского Совета 7 февраля 1924 г.). Л. ГИЗ. 1924 61 стр. Ц. 20 к.

Его же. В. И. Ленин. Краткий биографический очерк. М. ГИЗ. 31 стр. Ц. 20 к.

Кржижановский, Г. О Владимире Ильиче. М. „Кр. Новь". 1924. Ц. 18 к.

Крупская, Н. К. О Владимире Ильиче. 2-е изд. М. ГИЗ. 1925. 24 стр. Ц. 10 к.

Лелевич, Г. Ленин, как историк партии и революции.

Ленин, Н. Задачи союзов молодежи. (Речь на III всероссийском съезде РКСМ). Л. ГИЗ. 1924. 36 стр. Ц. 15 к.

Ленин и Брестский мир. Статьи и речи Н. Ленина в 1918 году о Брестском мире. С вводной статьей и примечаниями Н. Овсянникова. 2-е изд. М. ГИЗ. 117 стр. Ц. 40 к. (Распродано.)

Ленин, В. И. О новой экономической политике. Статьи и речи. 2-е изд. М. ГИЗ. 1924. 227 стр. Ц. 75 к.

Ленин, Н. Карл Маркс. Биографический очерк и изложение марксизма. М. ГИЗ. 1925. Ц. 15 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

Ленин, Н. (К. Тулин). Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. (Отражение марксизма в буржуазной литературе). 2-е изд. М. ГИЗ. 171 стр. Ц. 65 к.

Ленин, Н. и Плеханов, Г. Против А. Богданова. М. „Красная Новь". 1923. 168 стр. Ц. 60 к.

Ленин, В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата и революции. 2-е изд. М. ГИЗ. 1924. 127 стр. Ц. 35 к.

Ленин, Н. (В. И. Ульянов). Задачи рабочей печати. Предислов. и примечание К. П. Новицкого. М.—Л. „Кр. Н.". 1924. 95 стр. Ц. 45 к.

Его же. Коммунистический Интернационал. Статьи и речи. Предисловие Н. Н. Попова. Примечание К. П. Новицкого. М. „Красная Новь". 1924. 344 стр. Ц. 1 р. 30 к.

Его же. Крах II Интернационала. Сборник статей. Предисл. и примеч. К. П. Новицкого. М. „Кр. Новь". 1924. 283 стр. Ц. 1 р. 30 к.

Его же. О войне 1914—1918 г.г. Избр. статьи и речи. Сборник составлен Н. Н. Поповым. М.—Л. ГИЗ. 1924. 318 стр. Ц. 1 р. 45 к.

Ленин о национальном вопросе. М. „Кр. Новь". 1924. 160 стр. Ц. 60 к.

Ленин. Основные задачи партии при нэп'е. 1921—1923. (Статьи и речи). 2-е изд. М. „Кр. Новь". 168 стр. (в перепл.) Ц. 80 к.

Ленин, Н. Подготовление большевизма. М. „Кр. Новь". 1924. 487 стр. Ц. 1 р. 70 к.

Его же. Речи и статьи. Пособие для школ политграмоты и совпартшкол. М. „Кр. Н." 1924. 605 стр. Ц. 2 р.

Его же. Исторический материализм. Составитель Адоратский.

Его же. Политическая экономия. Составитель Дволайцкий.

Его же. О пролетарском государстве. Составители Вегер и Стучка.

Его же. Экономическая политика. Составитель Г. Крумин.

Его же. Империализм, как новейший этап капитализма.

Ленинизм в лозунгах и диапозитивах. М. ГИЗ. 1924. 30 стр. Ц. 10 к.

Луначарский, А. Ленин. (Речь, произнесенная в день похорон на общем собрании работников искусств г. Москвы). Л. ГИЗ. 1924. 32 стр. Ц. 10 к.

Его же. Ленин и просвещение. М. „Кр. Новь". 77 стр. Ц. 35 к.